

Секция «Юриспруденция»

Владение в российском гражданском праве.

Удод Дарья Дмитриевна

Студент

МГЮА имени О.Е.Кутафина, институт права, Москва, Россия

E-mail: udoddasha@mail.ru

Действующее законодательство в России не содержит понятия владения и владельческой защиты, хотя такой институт существовал в дореволюционном российском праве. Проект изменений в Гражданский кодекс РФ, предусматривает введение института владения. В ст. 209 проекта внесения изменений в ГК РФ предусмотрено, что владение представляет собой фактическое господство лица над объектом владения.

В ст. 211 проекта изменений в ГК РФ указано, что во владении может находиться объект, изъятый из гражданского оборота, а также объект, на который не допускается возникновение субъективного права владельца, если это не запрещено законом. Такая возможность подчеркивает желание разработчиков проекта определить владение как явление, имеющее природу фактическую, не правовую.

Особое внимание хотелось бы обратить на то, каким юридическим фактам разработчики проекта отвели роль оснований возникновения владения. Согласно ст. 214 проекта изменений в ГК к ним относятся: 1) установление фактического господства над вещью; 2) соглашение; 3) односторонние действия приобретателя, если лицо, передающее владение создало условия для свободного доступа приобретателя к объекту владения; 4) универсальное правопреемство; 5) иные предусмотренные законом способы. В этой же статье указывается, что приобретение владения может подтверждаться составлением акта приема-передачи или иного документа, подтверждающего приобретение владения. Лицо, названное в таком акте (документе), считается владельцем до тех пор, пока судом не будет установлено иное. На наш взгляд, данная норма противоречит пониманию владения как факта, так как, во-первых, возникает вопрос: зачем фактическому состоянию нужно письменное подтверждение его приобретения, если фактическое господство должно выражаться и подтверждаться не документами, (чем подтверждается как раз право), а непосредственным господством, и, во-вторых, перефразируя вторую часть нормы, мы можем сказать, что фактическое состояние, закрепленное в письменном документе будет считаться фактическим состоянием (даже если оно не будет таковым на самом деле), пока суд не признает, что факт перестал существовать. Другими словами, если факт перестал существовать, мы признаем его существующим, пока в судебном порядке не будет доказано иное. Очевидно, что данная норма выводит владение за рамки факта в правовое поле.

Необходимо обратить внимание на право на защиту владения. Как указано в Концепции развития законодательства о вещном праве, «назначение владельческой защиты – это борьба с насильственными, самоуправными действиями»[1]. Данное положение концепции не является бесспорным, так Л.Ю. Василевская указывает, что «владелец эффективно может быть защищен нормами публичного права»[2], приводя в пример «УК РФ, который предусматривает ответственность за насильственные и имущественные преступления. При этом охране подлежит не только право собственности, но и

владение. Кроме того, ст. 330 УК РФ и ст. 19.1 КоАП РФ устанавливают также ответственность за самоуправство. Вместе с тем закон наделяет владельца правом на необходимую оборону, в том числе и от насилия и самоуправства (ст. 37 УК РФ). Наконец, лицо, насильственно или самоуправно лишенное владения, может подать иск о возмещении имущественного вреда и компенсации морального вреда»[3].

Основной целью разработчиков проекта (об этом говорится в Концепции развития законодательства о вещном праве[4]) являлось закрепление на законодательном уровне полноценной посессорной защиты. Однако академик А.В. Венедиктов отмечал как устойчивую тенденцию владельческой защиты постепенный отказ от строгого разграничения посессорного и петиторного процесса. Представляется, что посессорная защита как продукт чисто теоретической спекуляции на практике никогда не существовала. Установка на защиту владения как факта была обречена: с позиций факта нельзя оправдать преимущество истца, лишенного владения, перед ответчиком, осуществляющим владение, поскольку факт - на стороне последнего[5].

В заключение хотелось бы отметить, несмотря на то, что разработчики в проекте внесения изменений в ГК РФ постарались всеми силами закрепить владение как факт, чему особенно свидетельствует: п. 1 ст. 209, п. 4 ст. 209, п. 1 ст. 210, п. 3 ст. 211, п. 1 ст. 214.

Все же в проекте есть нормы, которые свидетельствуют о некоторой непоследовательности разработчиков проекта и выводят владения из состояния факта в правовое поле, например: п. 1 ст. 209, п. 4 ст. 21, п. 5 ст. 210, п. 1 ст. 214, п. 4 ст. 214.

На указанных примерах, мы можем видеть, что в проекте введения изменений в ГК РФ владение может быть и тогда, когда оно не осуществлено (лицо, названное в акте приема-передачи считается владельцем, пока не установлено иное), и наоборот – может не быть, когда оно на самом деле есть (если объект владения изъят уполномоченным органом, он не является владельцем), и также приобретается при помощи сделки. Таким образом, мы видим, что в том виде, в каком сейчас хотят создать институт владения и владельческой защиты, в каком владение закреплено в проекте внесения изменений в ГК РФ оно, хотя и задумывалось разработчиками как полноценный факт, все же выходит за рамки факта в правовое поле, приобретая черты права.

[1] См.: <http://www.kolasc.net.ru/russian/tradeunion/documents/52.pdf> [электронный ресурс]

[2] Л.Ю, Василевская. Владение и владельческая защита – проблемы теории и правоприменения. //СПС «Консультант Плюс».

[3] См. Там же.

[4] См.: <http://www.kolasc.net.ru/russian/tradeunion/documents/52.pdf> [электронный ресурс]

[5] Д.В.Дождев. Владение в системе гражданского права. Часть первая //Вестник гражданского права. 2009, 4//СПС Консультант Плюс.